

Одиноким альтруист Иоганнес Брамс

(Продолжение. Начало в № 10)

Ничто не рассеивало одиночества Брамса так, как дружба с Иозефом Иоахимом, скрипачом и композитором, который был на два года старше его (и пережил его на десять лет). "Свободный, но одинокий (Frei aber einsam)" — таков был личный девиз Иоахима. Аббревиатура девиза стала музыкальной темой, которую Шуман, Брамс и Дитрих использовали в коллективной сонате для скрипки и фортепиано "F. A. E.". Брамс использовал эту тему и в других произведениях, например, в первой части струнного квартета а-молл ор. 51, № 2. Брамс написал колыбельную для сына Иоахима, которого в его честь называли Иоганнесом. Позднее Брамс включил эту песню в трогательный цикл песен для контральто, альты и фортепиано ор. 91.

Брамс и Иоахим часто вместе выступали в концертах и сорок один год поддерживали оживленную переписку, высказываясь по множеству проблем музыкального и личного характера. Например, таким, как общая их неприязнь к сплетням или тревоги по поводу душевных болезней. Брамс очень высоко ценил Иоахима как композитора. В свойственной ему неоднозначной манере он постоянно просил у него композиционно-технических советов — и с тем же постоянством отвергал их...

Секс, совершенно очевидно, был для Брамса проблемой. Он мог быть нежным с женщинами, порой даже подчеркнуто (что видно на фотографиях, большинство из которых, правда, сделаны, когда Брамс уже пожилой, и там скорее женщины обнимают его, чем наоборот). Его привычная осторожность, если не отвращение к физической близости, возможно, отражает его травматический детский опыт общения с родителями, жившими в несчастливом браке, часто действовавшими наперекор друг другу и, вероятно, порой вступавшими в открытые перепалки. Его сдержанность с женщинами может также обуславливаться обстановкой сексуальной распущенности в гамбургских тавернах, где он работал подростком. Хитшман описал это следующим образом: "Слишком рано довелось ему узнать навязчивый, поверхностный, продажный секс проституток. Он однажды рассказывал о сценах, свидетелем которых был: о матросах, устремлявшихся на постоялый двор после длительного плаванья, жаждущих выпивки, азартных игр и любви женщин, которые, полуобнаженные, пели непристойные песни под его аккомпанемент, а потом сажали его к себе на колени и забавлялись, пробуждая его первые сексуальные чувства".

Следует допустить, что подобные воспоминания включали подсознательные и даже сознательные фантазии. Тем не менее, описание Хитшмана наводит на мысль о том, что юного Брамса могли соблазном вовлечь в исполнение роли сладострастной марионетки, чей физический гермафродитизм мог возбуждать как мужчин, так и женщин. И в очень сложный, переломный период своей жизни он вступил в сексуально запутанные отношения между Робертом и Кларой Шуман, пытаясь удовлетворить обоих партнеров и себя в союзе, который еще прежде потерпел крах. "Я грежу и думаю только о том чудесном времени, когда я смогу жить с вами обоими", — писал он 24 октября 1854 г. И два месяца спустя: "Хотел бы я, чтобы доктор нанял меня прислужкой или медбратом... Я мог бы тогда ежедневно писать вам о нем и день напролет говорить с ним о вас". Наконец, как мы знаем, он был влюблен в Клару: "Полагаю, я более не смогу полюбить незамужнюю девушку — по крайней мере, я совершенно забыл о них. Они только обещают небеса, в то время как Клара широко распахивает их перед нами".

Брамс привлекал женщин. Несколько участниц женского хора, которым он дирижировал в Гамбурге, обожали его, а певица из Вены Берта Порубска, возможно, даже послужила причиной его переезда в этот город. Их отношения не получили развития. Однако, когда позднее Берта вышла замуж и родила, Брамс сочинил для нее свою знаменитую Колыбельную ор. 49, № 4. Более серь-

езный роман у него был с Агатой фон Зибольд, дочерью профессора из Геттингена, с которой его познакомил Иоахим. Говорят, будто Брамс даже подарил ей обручальное кольцо, но об этом узнала Клара Шуман и отговорила его от женитьбы. Брамс вскоре прекратил отношения с Агатой, но не без значительных переживаний, нашедших символическое выражение в страстной теме A-G-A-N-E, озвучившей ее имя в первой части струнного Секстета соль мажор ор. 36.

Брамс часто подтрунивал над Кларой относительно возможности женитьбы на одной из ее дочерей, но всякий раз находил отговорку: "Если (у Евгении) останется хотя бы небольшой шрам на ее хорошеньком личике (после незначительного повреждения), я безусловно не смогу жениться на ней, и ничто уже не заставит меня сделать это" (15 января 1856 г.). Юлия Шуман, вероятно, самая хорошенькая из дочерей, также одно время проявляла интерес к Брамсу. Когда в 1869 году она вышла замуж за итальянского графа Марморито, Брамс ощутил горечь и гнев, хотя никогда прежде не проявлял намерений жениться на Юлии. Незадолго до этого он написал меланхолическую Рандию для альты ор. 53 и теперь считал своим долгом сказать, что это — "свадебная песня для графини Шуман, но я пишу такие вещи в ярости, полный гнева!".

Другой привлекательной женщиной в его жизни была Элизабет фон Херцогенберг, и вновь очевидно, что Брамс избегал физической близости. Одно время он давал ей уроки фортепиано, но положил конец этим отношениям, заметив, что ее присутствие возбуждает его. Они, однако, остались друзьями, и он постоянно искал случая доставить Элизабет удовольствие, посылая ей свои "пустячки", как он иронически называл сочинения вроде "крошечного фортепианного концерта (B-dur) с маленьким изящным скерцо".

Он также был в дружеских отношениях с двумя певицами-контральто. Миловидная Гермина Шпис, которую Брамс в шутку именовал "Герминой без О.", первой исполнила многие из его лучших песен. Другой была Алиса Барби, друг последних лет его жизни. Обе, должно быть, являлись исключительными женщинами, поскольку мирились с его насмешками, самоуничижительными замечаниями насчет того, что любая женщина, способная найти его привлекательным, наверняка выжила из ума! Брамс любил позировать фотографам как, по-видимому, счастливый холостяк, окруженный красивыми женщинами. Однако, когда он себя не контролировал, его эксцентричность бросалась в глаза, и многие его случайно брошенные фразы звучат очень горько: "У меня нет друзей! Если кто-нибудь скажет, что он мой друг, не верьте этому". Часто утверждают, что он постоянно посещал проституток. В Вене Брамса время от времени видели в компании одной проститутки, с которой он, очевидно, был коротко знаком. Приводили ли такие встречи к физической близости, можно только догадываться...

Одним из наиболее действенных оправданий его одиночества служило высокоразвитое чувство ответственности. Чувство долга, которое Брамс проявлял к своей семье и в отношениях с Шуманами, уже упоминалось. Его великодушие в финансовых вопросах не знало границ. Он помогал родителям, брату с сестрой, мачехе и ее детям. Щедро давал деньги любому, другу или незнакомцу, кто просил об этом или, казалось, был в нужде. При всей своей безжалостности к посредственности, он

никогда не скупился на похвалы или прямую помощь, когда дело касалось других музыкантов.

Он искренне восхищался талантом Антонина Дворжака, изыскивал возможности издания его сочинений и даже брал на себя труд переписывания его партитур (!). Что касается Рихарда Вагнера, неоднократно выступавшего с грубыми нападками на него, то Брамс всегда был исключительно корректен по отношению к нему... Несмотря на то, что Клара Шуман осудила "Тристан и Изольду", Брамс считал эту оперу "чудесным произведением" и даже помог Вагнеру практически, переписав оркестровые партии для премьеры "Мейстерзингеров" в Вене.

В тридцатилетних отношениях с Теодором Бильротом также проявлялся альтруизм Брамса. Этих людей объединяло многое: происхождение из северной Германии, преданность родителям, энергичность и творческие способности, а также отвращение к эмоциональным проявлениям. Бильрот имел обыкновение осуждать капризы, считая их формой глупости. Подобно Брамсу, он был уверен в том, что лучшим способом обуздания эмоций является систематический труд.

Бильрот был превосходным пианистом, неплохим альтистом и композитором-любителем. Он сочинил трио, струнный и фортепианный квартеты, но впоследствии уничтожил все это. По воле матери Бильрот изучил медицину, а не музыку. Он был самым смелым хирургом-новатором своего времени, впервые произвел полное удаление щитовидной железы, провел ряд уникальных операций желудочно-кишечного тракта. Брак его, однако, не был счастливым, что, вероятно, способствовало взаимопониманию с одиноким Брамсом. Оба обожали детей: Бильрот был совершенно убит горем, когда выяснилось, что его первенец — глухонемой, вероятно, страдающий аутизмом... Мальчик умер, когда Бильроту было тридцать семь. В тот год он и подружился с Брамсом. Они много раз вместе совершали развлекательные путешествия, а в Вене виделись так часто, как то позволяло жесткое рабочее расписание хирурга. Брамс постоянно приглашал Бильрота на свои репетиции, передавал ему многие новые сочинения для первого исполнения у него дома. Не приходится говорить, что Бильрот относился к музыке Брамса с неподдельным обожанием.

Дружеские узы начали ослабевать после того, как Брамс из одного старого письма узнал, что Бильрот как-то пренебрежительно отозвался о его воспитании ("формальном" образовании), что для композитора было большим вопросом. Затем он обнаружил, что хирург совершил непростительный грех: вырезал кусок из рукописи струнного квартета, который Брамс ему посвящал. (Полный искреннего почтения, Бильрот вырезал подписи Брамса с титульного листа и приклеил ее под портретом композитора). Для человека, относившегося к оригинальным рукописям с таким благоговением, как Брамс, это было кощунством. Так пришел конец долгой дружбе. (Их отношения, впрочем, оборвались бы в любом случае, так как Бильрот заболел и умер в 1894 году. Брамс хотел выпустить посмертное издание музыкальных сочинений Бильрота, но вдова хирурга воспротивилась этому).

С наибольшей яркостью щедрость Брамса проявилась в его отношениях с престарелой Кларой Шуман. 24 июля 1888 года он писал ей: "Меня сердит, что (помимо прочего) вы испытываете денежные затруднения, в то время как я купаюсь в деньгах, даже не замечая этого и не

получая от них никакого удовольствия. Я не могу жить иначе, не хочу и не буду... и, когда душа моя тоскует, я могу быть полезным... и делать добро, не сознавая этого. После моей смерти, однако, у меня не останется никаких обязательств или особых пожеланий".

Брамс предлагал Кларе 10 тысяч марок для помощи ее детям. "Только подумайте, какую большую радость вы мне доставите, если просто и мило скажете 'да'". Характерно, что Клара ответила "нет". Но Брамс все равно нашел способ передать ей деньги, сделав анонимный взнос в Фонд памяти Шумана. Он также не жалел никаких усилий, помогая Кларе издать полное собрание сочинений ее мужа. Осуществление этого проекта сопровождалось многочисленными трогательными разговорами, отчасти вызванными желанием Клары изъять, а в некоторых случаях даже уничтожить произведения Шумана, которые она считала недостойными внимания. Брамсу удалось спасти от такой участи Симфонию d-молл, опубликовав оригинальную рукопись наряду с позднейшей, более тяжело оркестрованной редакцией (ор. 120). Это привело Клару в ярость, и ее холодность заставила Брамса отшутить себя совершенно отвергнутым: "Очень тяжело, когда после сорока лет верной службы (или того, как Вам будет угодно назвать мое отношение) о тебе думают как всего лишь о "дурном случае"...". 13 сентября 1892 года).

Вскоре, однако, они простили друг друга и решили оставаться друзьями. Брамс тяжело переживал смертельную болезнь Клары, последовавшую за ударом 1896 года. Ее кончина оставила его безутешным. Он сказал, что она была "единственным человеком, которого он когда-либо по-настоящему любил".

Гения нельзя мерить обычными мерками. Брамс, вероятно, страдал депрессиями и был замкнутой личностью. Он часто бывал раздражителен и импульсивен, что плохо действовало на других людей. С возрастом он стал более эксцентричен, и в домах друзей его баловали как большого ребенка. Инволюционная меланхолия в середине шестого десятилетия его жизни, вероятно, повлияла и на его творческую потенцию, и на здоровье, но он поправился от звуков кларнета Мольфельда, звучавших в его ушах. Однако болезнь вновь стала нестерпимой после смерти его единственной и неповторимой Клары.

В рамках теории "переходных объектов" я хотел бы сказать, что, вероятно, существуют и "переходные личности", не испытывающие прочной привязанности к кому бы то ни было, но позволяющие всем использовать себя в целях эстетического наслаждения. Эти личности способны выдерживать длительное одиночество и даже изоляцию без психических расстройств. Они могут казаться разрозненными, их поведение парадоксально. Например, отмечается их хрупкость и цельность, безжалостность и благожелательность, ранимость и защищенность. Искусство (или наука, или другие оригинальные вещи), которые они создают, предназначено устанавливать новые связи между людьми, поколениями, культурами.

Брамс, вероятно, был такой переходной фигурой. Он поднялся от нищеты к богатству, но так и не вырос из лохмотьев. Он был сложным, мыслящим и вместе с тем простым человеком. Он оставался чужим для многих, но также был другом, способным преодолеть свое мучительное одиночество с помощью альтруистических поступков. Как композитор сложной музыки, которой легко наслаждаться, Брамс, кажется, в совершенстве овладел "взаимодействием оригинальности и традиционности, каковое служит основой изобретательности". Он был человеком, который столь полно поглощен творчеством, что у него остается мало времени или сил для близких отношений и создания семьи. Вспоминаются другие гении, для которых весь мир стал семьей, например, Бетховен или Микеланджело. Такие люди могут изменить цивилизацию. Они дарят нам новые звуки, новые образы и новые смыслы. Они достигают истин, которые становятся вечными.

Перевод Владимира НЕСТЬЕВА.